

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
ПОВОЛЖЬЯ
И
ПРИУРАЛЬЯ**

**Сборник
статей**

Чебоксары — 2008

Секция:
**Малоисследованные аспекты дореволюционной
истории народов Поволжья и Приуралья**

<i>Ю.В. Норманская.</i> Проблемы идентификации языка волжских болгар и языка-источника заимствований в марийском	140
<i>А.Г. Иванов.</i> Воеводская власть в ясачном Марийском регионе во второй половине XVI—XVII вв.	147
<i>И.В. Васильева.</i> Функционирование уездных судов в Казанской и Симбирской губерниях в последней четверти XVIII века	162
<i>Г.Н. Кадыкова.</i> Крестьянская агрикультура марийцев в конце XVIII — первой половине XIX вв.	178
<i>Е.М. Берестова.</i> Адаптация мусульман в имперском социуме России	192
<i>С.Н. Кодыбайкин.</i> Проблема развития капиталистических отношений в чувашской деревне во второй половине XIX — начале XX вв. через призму кустарных промыслов.....	206
<i>Ю.В. Гусаров.</i> Первые парламентарии Чувашии (К.В. Лаврский, Я.А. Абрамов)	215
<i>А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина.</i> Чебоксарское городское училище: основные этапы развития (1789—1918 гг.)	233

Секция:
**Актуальные исследования по истории
Поволжско-Приуральского региона в XX — начале XXI вв.**

<i>А.С. Сенявский.</i> Россия в XX веке: модернизационный императив и развитие регионов (теоретико-методологические аспекты проблемы)	243
<i>О.И. Васильева.</i> Органы власти Временного правительства на территории Удмуртии: формирование, состав и деятельность (по материалам Центрального государственного архива Удмуртской Республики)	267
<i>А.В. Мамаев.</i> Хозяйственная деятельность городского самоуправления в контексте революционного процесса 1917—1918 гг. (на примере г. Вятки)	281
<i>В.Н. Клементьев.</i> Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918—1920 гг.)	297
<i>З.Г. Гаринова.</i> Проблемы культуры тюркских народов (20-е гг. XX века)	310
<i>И.В. Кучумов.</i> Конструирование «суперэтнических» общностей на воображаемой территории «Башкирии» в XVI—XX вв.	314
<i>Е.К. Минеева.</i> Роль русского народа в становлении промышленности автономий Среднего Поволжья (20—30-е годы XX века)	323

⁴⁸ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189. Л. 4; Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 196—197; Этнография марийского народа. Сост. Г.А. Сенева. Йошкар-Ола, 2001. С. 111.

⁴⁹ Фукс А. Указ. соч. С. 209—221.

⁵⁰ Этнография марийского народа. С. 112.

⁵¹ Фукс А. Указ. соч. С. 209—217; Этнография марийского народа. С. 112.

⁵² Государственный архив Кировской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1097. Л. 4—7 об.; Кадыкова Г.Н. Общинное языческое моление марийских крестьян в Шалинской волости Царевококшайского уезда 1830 г. (по материалам рапорта земского исправника) // Марийский археографический вестник, Йошкар-Ола, 1999. Вып. 9. С. 184—187.

⁵³ Фукс А. Указ. соч. С. 237—241; Этнография марийского народа. С. 112.

Е.М. Берестова

АДАПТАЦИЯ МУСУЛЬМАН В ИМПЕРСКОМ СОЦИУМЕ РОССИИ*

В силу своего геополитического положения и исторического развития Российское государство практически постоянно находилось в контакте с миром ислама. Включение в состав Московской Руси постордынских государств, не только сделало контакты с исламом более тесными, но и значительно увеличило число подданных-мусульман. Но основное расширение исламских территорий и увеличение исламского населения в России произошло в XVIII—XIX вв. Началось оно с включения в состав Российской империи Крымского ханства, продолжилось полувековой войной с горцами Северного Кавказа и завершилось покорением во второй половине XIX в. Средней Азии. И, как следствие, по переписи 1897 г., десятую часть населения Российской империи составляли мусульмане.

В царствование Екатерины II мусульманское население России стало столь значительным, чтобы власть могла себе позволить оттачивать его открытыми гонениями. Указ Екатерины II от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий

* Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» закреплял терпимое отношение государства к представителям всех конфессий¹. Кроме того, епархиальным архиереям запрещалось вмешиваться в религиозные дела неправославного населения. Для мусульман этот указ обернулся разрешением свободного строительства мечетей, предоставлением татарским и башкирским старшинам прав российского дворянства, наделением льготами мусульманских купцов, ведущих торговлю с восточными соседями России. По случаю присоединения Крыма в манифесте 1783 г. было дано обещание охранять мусульманскую веру и храмы. Для управления делами мусульман были созданы Таврическое магометанское управление в Симферополе и Оренбургское духовное собрание в Уфе.

Эти мусульманские духовные управления занимались контролем над духовенством и конфессиональной школой, регулированием семейно-брачных отношений, разрешением на принципах шариата наследственных споров и ведением метрических книг, то есть теми делами, которыми ни центральная, ни местная бюрократия не имела возможности взять на себя. При этом деятельность правлений была ограничена жесткими рамками.

Делами мусульман заведовали муфтий и духовное собрание. По закону 1793 г. муфтий и все три члена собрания избирались из числа казанских мулл, при этом муфтий утверждался в должности императором. В действительности члены собрания назначались оренбургским генерал-губернатором, а муфтий, по представлению Министерства внутренних дел, — царем.

Довольно толерантная в целом политика государства по отношению к мусульманам продолжалась и в первую четверть XIX в. В указе Александра I, изданном вскоре после вступления на престол, говорилось «Пусть все народы в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы империи»².

В русской культуре XIX в. сложились прочные основы для диалога с миром ислама. Еще в 1787 г. в типографии Российской академии наук по приказу Екатерины II был напечатан полный текст Корана. В 1800 г. в России было разрешено печатать без ограничений мусульманскую религиозную литературу. Этим занялась специально созданная типография. К 1806 г. вышел ряд

книг по исламу общим тиражом 40 тыс. экз. В 1818 г. был создан Азиатский музей, постепенно ставший крупнейшим центром по изучению Востока в России. Впоследствии он был преобразован в Институт востоковедения. К Корану и учению ислама обращались многие русские писатели и философы³.

В этот период происходило и оформление самостоятельного мусульманского духовного сословия. Первичной территориальной единицей мусульман была религиозная община или махаллинское (мечетское) общество, существовавшее в каждом селении. Первоначально во главе общины стояли старейшины и абыз*. Однако в начале XIX в. абызы были заменены духовенством, официально зарегистрированным в Духовном собрании.

Духовный наставник мусульман в имперской России, в зависимости от уровня знаний и рода основной деятельности, назывался: муфтий (знаток шариата, имеющий право принятия решений в форме особого заключения — фетвы), кадий (судья, отправляющий судопроизводство на основе шариата), мухтасиб (должностное лицо, контролирующее соблюдение мусульманами норм исламской морали в личной и общественной жизни), ахун (старшее духовное лицо), хатиб (духовное лицо, читающее в дни пятничных и праздничных молитв проповедь), имам (руководитель общей молитвы в мечети и глава мусульманской общины), мулла (руководитель мусульманской общины, часто употребляется как синоним слова имам или в качестве собирательного названия мусульманского духовенства), муэдзин (служитель мечети, призывающий на молитву), шейх (почетное прозвание авторитетных духовных лиц), карий (чтец Корана), мударрис (преподаватель, руководитель медресе), мугаллим или хальф (помощник мударриса, учитель)⁴.

Выборность мусульманского духовенства почти полностью была ликвидирована. Кандидат в муллы после выдвижения его соответствующей общиной должен был пройти длительную и сложную проверку. Первоначально он сдавал экзамен по теории и практике ислама в Оренбургском магометанском духовном собрании. По окончании экзамена присуждалось духовное и педагогическое звание, что подтверждалось соответствующими

* Абыз — букв. старейшина, наиболее уважаемый и хорошо знающий религиозные каноны член общины.

свидетельствами. Затем документы кандидата (утвержденный волостным правлением приговор сельского общества, выписка из журнала заседаний духовного собрания, свидетельство уездного училищного совета о знании русского языка) поступали на утверждение губернского правления. Здесь главное внимание уделяли политической лояльности. При отсутствии каких-либо компрометирующих сведений ему выдавали именной императорский указ о назначении на искомую должность.

В Российской империи мусульманское духовенство подразделялось на высшее и низшее. К высшему духовенству относились: муфтии и кадии (члены мусульманского духовного собрания) и ахуны. Муфтий и кадии получали содержание от казны. Правительство было заинтересовано в их лояльности, поэтому они в полной мере обладали сословными правами и привилегиями. Например, первый Оренбургский муфтий Мухаммаджан Хусаинов помимо значительных денежных премий получил в исключительном порядке право покупки башкирских земель и заселения их крепостными крестьянами. Его преемнику Габдессалами Габдрахимову была пожалована соболья шуба. До создания Оренбургского магометанского духовного собрания ахуны на территории Урало-Поволжья являлись высшими религиозными лицами. Затем статус ахуна существенно понизился, так как большинство дел, которыми они занимались, перешли в ведение муфтия и кадиев. Постепенно выборная ахунская должность как таковая была ликвидирована, а само ахунство стало лишь почетным титулом, присуждаемым муфтиатом или Министерством внутренних дел имам соборных мечетей за их особые религиозно-административные заслуги. На рубеже XIX—XX вв. ахуны являлись посредниками между муфтиатом, как высшим правительственным религиозным учреждением и низшим духовенством. Именно через них Оренбургское собрание проводило в жизнь свои решения, касавшиеся мулл и муэдзинов.

Низшее мусульманское духовенство было представлено хатибами, имамами, муллами и муэдзинами. Согласно Российскому законодательству при каждой соборной мечети разрешалось иметь по одному хатибу и имаму (или мулле). Хатибы и имамы должны были регулярно посещать мечети и предстоять во время молитвы, содержать в порядке культовые места, освещать важнейшие события в жизни каждого мусульманина (рождение, свадьба, смерть и т. д.), решать семейно-бытовые и наследственные споры.

Прямым их служебным долгом также являлось обучение детей основам и обрядам ислама. Кроме того, в пределах своей махаллы, они вели записи актов гражданского состояния в метрических книгах и отчитывались об этом перед духовным собранием. Традиционная для ислама узкая специализация духовенства в России была нарушена, и поэтому деятельность муллы носила многофункциональный характер. Он совмещал в одном лице духовного пастыря, судью, нотариуса, учителя и государственного служащего. Отдельные муллы занимались врачеванием, прежде всего на основе традиционной медицины. Наиболее способные становились религиозными учеными — богословами и правоведами. В обязанности муэдзинов входило: возвешение о времени начала очередной молитвы, чтение особой молитвы, содержание мечети в чистоте и порядке. Эти немногочисленные, но почетные обязанности обычно брал на себя кто-нибудь из местных жителей или сам имам мечети.

Большинство хатибов и имамов выполняло свой религиозный и гражданский долг усердно. Немалую роль в этом играл контроль со стороны членов мусульманской общины, которые имели право ходатайствовать перед муфтиатом о лишении должности нерадивых мулл. Губернская администрация также могла отстранить от должности мулл, халатно относящихся к своим обязанностям или не выполняющих правительственных предписаний. Однако главным побудительным мотивом в деятельности многих руководителей мусульманских общин было осознание большой моральной ответственности и стремление служить своему народу. Именно поэтому мусульманское духовенство имело огромный авторитет в народе.

Официальных прав и льгот у мусульманского духовенства было немного. Единственной законодательно оформленной привилегией служителей мечети было освобождение от телесных наказаний. Кроме того, сельские общества своими приговорами могли освободить духовенство от всех денежных и натуральных податей и повинностей, приняв их на себя. Что и делалось повсеместно. Источником материального обеспечения служителей мечети являлись: обязательный денежный (в 80-е гг. XIX в. в среднем около 200 руб.) и натуральный налог с членов общины, пожертвования в дни религиозных праздников (не менее 20 коп. с одного дома), плата за исполнение богослужебных обрядов и за учительский труд. В пореформенный период совокупный годовой

доход татарских мулл в бедных общинах составлял около 200, в богатых — до 700 рублей⁵.

В связи с Крымской войной и присоединением Средней Азии властям пришлось несколько изменить свое отношение к мусульманам. Реформирование духовных управлений мусульман началось с 60-х гг. XIX в. Первоначально предполагалось изъять из ведения духовенства метрические книги, увеличить роль русского языка в делопроизводстве, раздробить Оренбургский и Таврический муфтиаты в целях уменьшения их влияния. На практике же Оренбургскому духовному собранию было запрещено вмешиваться в дела образованного в 1868 г. Степного края, за исключением дел проживавших там татар. Массовые возвращения в ислам крещеных татар и волнения татар в связи с Крымской войной заставили правительство обратить пристальное внимание на христианизацию народов Волго-Уральского региона. В связи с этим резко обострились его отношения с представителями иных конфессий. Если ранее во многих национальных районах местные власти, чтобы не раздражать население, закрывали глаза на отпадение от православия крещеных «иноверцев», то теперь эта практика стала меняться.

В восточных районах империи предусматривались обширные преобразования. В частности, предполагалось полностью ликвидировать духовное управление мусульман Поволжья и Приуралья. Было также намечено значительное сокращение числа духовенства других конфессий и культовых сооружений, особенно мечетей. Готовились распоряжения для местной администрации об ограничении участия в родовом и сельском самоуправлении неправославного населения⁶. Хотя большинство положений этой программы не было реализовано, но они позволяют судить об общих тенденциях религиозной политики. В 1884 г. Комитетом министров было принято постановление, которое запрещало «фанатикам-мусульманам» занимать должности в сельском и волостном управлении. В 1889 г. была введена процентная норма для поступления мусульман в адвокатуру. Тогда же им было запрещено преподавать в средних учебных заведениях, частные уроки они могли вести только у своих единоверцев. Согласно городовому положению 1892 г. было уменьшено число гласных мусульман.

Обычная практика назначения муфтия царем была законодательно закреплена в 1889 г. В том же году должность членов Оренбургского магометанского духовного собрания официально перестала быть выборной. Члены собрания стали назначаться

Министерством внутренних дел по представлению муфтия. Мусульманское духовное собрание занималось контролем над духовенством и конфессиональной школой, регулированием семейно-брачных отношений, разрешением на принципах шариата наследственных споров и ведением метрических книг, то есть теми делами, которыми ни центральная, ни местная бюрократия не имела возможности взять на себя. Кроме того, в его компетенцию входили вопросы строительства и ремонта мечетей, а также прием экзаменов на религиозные и учительские должности. При этом деятельность собрания была ограничена жесткими рамками. Под давлением властей члены собрания часто принимали постановления, запрещавшие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам Российской империи.

Общественно-политическая ситуация начала XX в. заставила государство предпринять определенные шаги в изменении конфессиональной политики. Весной 1905 г. был издан императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости» и одноименное Положение от 17 апреля 1905 г. Положение состояло из десяти разделов и касалось старообрядчества и сектанства, а также неправославных и нехристианских конфессий. В частности, в п. 1.3 было разрешено «лицам, числящимся православными, но в действительности исповедывающим ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, ... исключаться из числа православных»⁷. Таким образом, правительство официально разрешало возвращение из православия в мусульманство или язычество. Кроме того, этим Положением созывалось Особое вневедомственное совещание по веротерпимости. Это Совещание, в числе других, должно было заниматься рассмотрением вопросов: «а) о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий; б) о порядке избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходского и высшего; в) об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц магометанского духовенства; г) о порядке открытия магометанских духовных школ — мектебе и медресе; д) об учреждении особых духовных правлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для магометанских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском

крае и Закаспийской области; е) о дозволении воспитывать подкинутых детей в религии принявших их иноверных родителей»⁸.

После издания Положения во многих губерниях империи начался массовый переход населения из православия в католичество, ислам и язычество. Подробный механизм такого перехода был совершенно не разработан, власти на местах сталкивались с большими трудностями. От центральной власти ожидали дальнейшего законотворчества и разрешения возникших затруднений. Однако в Уголовное уложение, изданное в 1906 г, не было внесено никаких изменений. В подписанном 23 апреля 1906 г. Основном законе Российской империи Глава II была полностью переписана с издания 1892 г. и не содержала никаких изменений⁹. Дальнейшие ожидания нового законодательства по вероисповеданию в русском обществе были связаны с деятельностью Государственной думы. И действительно, I Государственной думой были разработаны основные положения новых законов о свободе совести, но в связи с роспуском ни I, ни II думе не удалось закончить эту работу. Министерством внутренних дел также был разработан пакет законопроектов о свободе совести и был представлен на рассмотрение уже III Государственной думе. Но ни думский, ни министерский проект так и не прошел согласования в правительстве и Государственном совете¹⁰.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство законодательно отменило преимущественное положение православной церкви. В п. 1 Постановления «О свободе совести» говорилось следующее: «Каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры»¹¹. При этом закон не предусматривал никаких преследований за переход православных в иную веру.

Длительный процесс сосуществования в Российском социуме мусульман и христиан, активный диалог с европейской культурой и изменения внутренней политики государства привели к возникновению в мусульманской среде просветительно-реформаторских идей. Во второй половине XIX в. в среде мусульманской интеллигенции России начинается не просто критика некоторых устаревших положений религии, но и приспособление

«обновленной» религии к современному знанию, наукам и действительности. Модернизация началась со школьного дела, затем она проникла во все сферы культуры: книгоиздательство и периодику, литературу, искусство и т.д.

При каждой мечети существовала школа высшей ступени — медресе или, и как правило, чаще низшей — мектебе. В этих школах детей, мальчиков и девочек, обучал мулла. Обучались раздельно. В татарских мектебе было запрещено обучать девочек письму. Процесс обучения официально был бесплатным, однако мулла мог получать от родителей учеников небольшое вознаграждение, как в денежном, так и натуральном виде. Учитель пользовался непререкаемым авторитетом. Родители, приведя ребенка в первый класс, говорили учителю: «Его мясо да кожа — ваши, а кости да душа его наши»¹².

В сельских школах ученики во время уроков сидели на полу, опираясь на пятки или поджав ноги под себя. Пол был устлан грубой соломой, поверх настилались камышовые плетенки, поддержанные овечьи или козьи шкуры (шерстью кверху), иногда кошмы и паласы. Их приносили сами ученики. Учитель также сидел на полу, на сложенном стеганом матрасе. Писали на деревянных дощечках, используя тростниковое перо и глиняные или реже литые из меди чернильницы. Для чтения книг использовались раздвижные подставки. Обучение начиналось в 7—8 лет. Основную массу учащихся составляли мальчики от 8 до 14 лет, иногда встречались и 16—17-летние ученики. Классы формировались из учеников разного возраста, находящихся на разных стадиях обучения. Пока первоклассники повторяли за учителем произношение заданных звуков, другие декламировали свои задания. Таким образом, мектебе до конца уроков были переполнены монотонной разноголосицей. Сроки обучения не были регламентированы. Способные ученики могли окончить школу за 3—4 года, другие тратили 7—8 лет.

В мектебе обучали основам арабской фонетики и алфавита, элементарной арифметике. Заучивали сборник избранных глав Корана (эфтияк). Выучив эфтияк, ученик переходил к чтению всего Корана. Букварем для учеников мектебе служила книга «Основы веры», на первых страницах которой был записан арабский алфавит, в котором были учтены буквы, не соответствующие татарским звукам, и татарские звуки, не имеющие соответствий в арабском. К концу учебного года начинали читать другую книгу —

Ясин. Первоначально ученики просто повторяли текст за учителем, потом осваивали буквы. В дальнейшем учились уже исключительно по арабским книгам религиозного содержания. Основным же учебником на протяжении всего курса оставался Коран. Занятия по письму дополнялись перепиской книг, прежде всего учебников. Курс обучения заканчивался упражнениями в каллиграфии.

Важной особенностью исламской конфессиональной школы являлось формирование культуuroобразующей программы на основе Корана. В процессе обучения происходило не только приобщение к культурному наследию предков, но и воспроизводство религиозных, моральных и социальных норм. Кроме того, заучивание наизусть огромного количества религиозных и поэтических текстов способствовало развитию памяти и преемственности поэтических традиций. К числу достижений мусульманской системы образования необходимо отнести также и относительно высокий уровень грамотности женщин. Так, в 1897 г. грамотные среди татарских женщин Вятской губернии составляли 19, а среди русских женщин — 5%¹³.

Несмотря на определенные успехи мусульманской школы, она уже не могла удовлетворять новым требованиям. Движение интеллигенции за школьную реформу получило название джадидизма. Оно началось с замены буквослогательного метода обучения грамоте звуковым методом, известным в народе под названием «ысул-джадид» — новый метод. Но джадидисты не ограничились лишь изменением методики обучения, они приступили к реформе учебного курса. В школах началось изучение родного и русского языков, математики, основ естествознания и других светских дисциплин. Наряду с преобразованием методики обучения и обновлением программы преподавания большое внимание уделялось упорядочиванию организации учебного процесса мектебе и медресе. Был установлен твердый учебный год и осуществлен переход к классноурочной системе преподавания.

В реформированных школах население подкупали быстрота обучения грамоте — в течение нескольких месяцев ребенок получал твердые навыки чтения и письма, на что в старой школе уходили годы, — реальный характер преподаваемых знаний и т.п. Именно поддержка населения обеспечивала довольно значительное распространение джадидистских школ к началу XX в.

Регион Урало-Поволжья относился к территориям наиболее давнего контакта с мусульманским миром. Мусульмане Вятской губернии, в состав которой входила Удмуртия, находились в ве-

дении Оренбургского муфтията. Мусульмане являлись второй по численности, после православных, религиозной общиной в Удмуртии и составляли 8,78% населения. Эта конфессия была в основном представлена татарским и башкирским населением (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав мусульманского населения Удмуртии в 1897 г.¹⁴

Националь- ность	Глазовский уезд	Елабужский уезд	Малмыж- ский уезд	Сарапуль- ский уезд	Всего
Татары	7857	28645	48677	7099	92278
Башкиры	0	8771	0	5097	13868
Тептяри	0	4219	0	3568	7787
Итого	7857	41635	48677	15764	113933

Теоретически каждая исламская община могла открыть в своем селении столько мечетей, сколько позволяли средства. На практике количество мечетей строго контролировалось государством и православной церковью. Мусульманам Удмуртии, для того чтобы открыть новую мечеть, помимо согласия Оренбургского магометанского духовного собрания, требовалось еще разрешение чиновников Министерства внутренних дел и Казанского архиепископа. В городах обычно существовало несколько мечетей, из них одна была главной и называлась по аналогии с православными храмами соборной. Иногда, например, в Ижевском заводе, мечеть открывалась и содержалась за счет казны.

На территории Удмуртии в середине XIX в. имелось 116 мечетей, из них только две были каменными. Наибольшее число мечетей (69) было в Малмыжском уезде, затем в Елабужском (36), в Сарапульском (8) и в Глазовском (3)¹⁵. Численность мечетей постоянно возрастала и через 40 лет достигла 139. При этом в целом по Удмуртии на одну мечеть в среднем приходилось 1000 чел. мусульманского населения. В Глазовском уезде одна мечеть приходилась на 1574 чел., в Елабужском — на 869, в Малмыжском — на 726 и в Сарапульском — на 830 чел.¹⁶

Исламская семья в дореволюционной России также имела ряд особенностей. Среди татар, как и среди других народов, исповедующих ислам, вступление в брак считалось священной обязанностью мусульманина: «Лицо, сочетающееся браком, имеет

перед Богом более заслуги, чем самый набожный мусульманин оставшийся холостяком»¹⁷. Разводы, хотя и не приветствовались, однако не были так жестко ограничены как среди православного населения (табл. 2).

Таблица 2

Изменение удельного веса разведенных по национальностям в Вятской губернии в 1897 г., %¹⁸

Национальность	По полу	
	Муж.	Жен.
Русские	0,01	0,02
Удмурты	0,004	0,006
Коми	0,0	0,01
Марийцы	0,01	0,02
Татары	0,09	0,28
Башкиры	0,07	0,02

Развод в исламе происходит намного проще, чем в других конфессиях¹⁹. По данным метрических книг мечетей, можно увидеть, что в 1897 г. только в приходах деревень Ижбайка, Сосновая и Кадыбаш было разведено 12 супружеских пар²⁰. Эти данные подтверждены и общероссийским материалом²¹.

Мусульмане заключали браки исключительно в рамках своей конфессии. Так, по законам российской империи, лицам православного и католического вероисповеданий запрещалось вступать в брак с нехристианами. Коран категорично не запрещал браки мужчин мусульман с женщинами немусульманского вероисповедания (женщины-мусульманки по шариату были лишены такого права), но на практике такие браки сурово осуждались и жестоко преследовались²².

Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов, ранние браки были нехарактерны для татар. Во время переписи 1897 г. специально отмечалось: «Браки в более раннем или даже несовершеннолетнем возрасте, возможные среди магометан, как не противоречащие их обычаям и религиозным воззрениям, представляют собой в Казанской губернии исключительно редкое явление». В 1897 г. лишь 0,3%

женщин в возрасте 15—16 лет состояло в браке, женатых мужчин в этом возрасте не было совсем. У татар в прошлом по традиции жених был старше невесты на 3—6 лет, но встречались браки с большей разницей в возрасте. Для основной части татар чрезвычайно редкими и особенно предосудительными среди казанских татар были браки, в которых жених моложе невесты, а также браки ровесников²³.

Основным для татар был моногамный брак. Полигамия, допускавшаяся по мусульманским законам, была распространена слабо. По данным 1844 г., из 2112 мужчин в Казани только 55 (2,6%) имели по две жены, 6 человек (0,2%) — по три, 2 (0,09%) — четыре жены²⁴.

У мусульман не существовало строгой регламентации времени вступления в брак, кроме запрещения браков в месяц рамадан. Но на материалах Удмуртии такая зависимость прослеживается слабо. Так, в 1897 г. месяц рамадан продолжался с 22 января по 20 февраля. Но минимум браков приходился на апрель, а максимум на осенне-зимний период. На сезонность браков помимо религиозного фактора оказывали влияние условия жизни. Вне зависимости от вероисповедания, максимум браков приходился на период окончания полевых работ. Сезонность браков у крестьянства оптимально соответствовала условиям их жизни.

Еще одной отличительной чертой мусульманского населения Удмуртии являлся низкий процент незаконнорожденных детей (табл. 3).

Таблица 3

**Изменение числа законных и незаконных рождений
по конфессиям в Вятской губернии в 1880—1881 гг.²⁵**

Конфессия	Число родившихся детей							
	1880 г.				1881 г.			
	Законно-рожденные		Незаконно-рожденные		Законно-рожденные		Незаконно-рожденные	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	137375	97,5	3426	2,4	140858	97,7	3351	2,3
Единоверцы	262	97	8	3	279	95,2	14	4,8
Мусульмане	4810	99,8	13	0,2	5128	99,8	10	0,2
Язычники	382	98,7	5	1,3	367	99,2	3	0,8

Таким образом, демографическое поведение мусульман Удмуртии отличалось от демографического поведения населения других конфессий, в то же время не вполне соответствовало правилам, предписываемым исламом. Отличия мусульман России от единоверцев в других странах можно объяснить длительным существованием в принципиально ином, не исламском социуме.

Процесс адаптации религиозно-философских и правовых норм, правил поведения ислама к новым социальным и историческим условиям сопровождался переосмыслением исламских ценностей, связанных как с социально-бытовой, так и политической сферой. Этим объясняется появление и распространение в конце XIX — начале XX вв. в среде мусульман религиозно-реформаторских идей.

Литература и источники

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 19. 1770—1774. СПб., 1830. С. 775—776.

² Федоров В.А. Православная церковь и государство // Очерки русской культуры XIX в. Т. 2: Власть и культура. М., 2000. С. 291.

³ Кислюк К.В., Кучер О.Н. Религиоведение. Ростов-н/Д., 2004. С. 356.

⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи // Энцикл. словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 67.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е — первая половина 1890-х гг.) // ВИ. 1997. № 11. С. 129.

⁷ ПСЗ Российской империи. Собр. 3. Т. 25. 1905. СПб., 1909. С. 258—262.

⁸ Там же.

⁹ ПСЗ Российской империи. Собр. 3. Т. 26. Отд. 1. 1906. СПб., 1909. С. 459.

¹⁰ Дорская А.А. Российское законодательство о свободе совести в 1905—1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веке. СПб., 1999. С. 354—363.

¹¹ ВЕВ. 1917. № 6. С. 79.

¹² Ислам на территории бывшей Российской империи // Энцикл. словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 57.

¹³ Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. Вятка, 1904. С. 131—136.

¹⁴ Там же. С. 90—121.

¹⁵ Памятная книжка Вятской губернии за 1857 г. Вятка, 1957. С. 197.

¹⁶ Памятная книжка и календарь Вятской губернии за 1899 г. Вятка, 1998. С. 30.

¹⁷ Татары. М., 2001. С. 327.

¹⁸ Всеобщая перепись населения Российской империи. Вятская губерния. С. 148.

¹⁹ Асгаирджи Асгад Мухаммад Сагид. Законоведение Абу Ханифы и его доводы. Т. 2. Дамаск. С. 453.

- ²⁰ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 169. Оп. 1. Д. 65, 91, 89.
- ²¹ Население России в XX в. Т. 1. М., 2000. С. 52.
- ²² Татары. С. 328.
- ²³ Там же. С. 330.
- ²⁴ Там же. С. 331.
- ²⁵ Календарь Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883. С. 50—51.

С.Н. Кодыбайкин

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ*

Одной из важнейших проблем аграрной истории является определение степени развития капиталистических (буржуазных) отношений в российской деревне, особенно во второй половине XIX — начале XX вв. Начиная уже с пореформенных годов XIX в. среди представителей основных направлений исследований ведутся споры о развитии капиталистических отношений в деревне. Показатели развития мелкой, в т.ч. кустарной (крестьянской), промышленности являлись одним из аргументов как сторонников буржуазного пути развития страны, так и их противников.

Либеральные народники считали это явление фактом некапиталистического «народного, артельного» производства. Марксисты видели в развитии кустарных промыслов доказательство того, что сельское население идет по пути социального расслоения на классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Легальные марксисты считали, что в аграрном секторе, в отличие от промышленного производства, возможен и необходим некапиталистический путь развития¹. В 1910—1920-е гг. сложилась организационно-производственная научная школа (классифицируемая рядом исследователей как неонародническое направление), один из крупнейших представителей которой, А.В. Чаянов, по-новому подошел к проблемам развития крестьянского хозяйства. В его многогранном учении необходимо выделить аспект, который предполагает

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 06-01-22105 а/В.